

ДУХ И БУКВА

**Арсений
Замостьянов,**
кандидат
филологических
наук

Сперва — байка без претензий на историческую достоверность. Старенький диктор Левитан в Елисейском гастрономе. Дребезжащим, болезненным голосом он просит продавщицу: «Мне, пожалуйста, полкило российского сыру. Да двести грамм любительской колбаски, а ещё плавленый сырок, пачку сметаны, пакет кефира и бутылку — тут его голос приобретает державную мощь — СА-АВЕТСКОГО — шампанского...».

Легендарное радио двадцатых-пятидесятых годов создавало в огромной стране единое языковое поле, демонстрируя эталон русской устной речи. Голоса дикторов со всеми нюансами интонации слушатели знали назубок. Даже в условиях безальтернативного радиовещания такая судьба дорогого стоит: Левитан представил эталон дикторской речи, и мало кто помнит, что будущему «голосу всея СССР» пришлось прилежно бороться с собственным владимирским говорком. Получилось, как у Демосфена — подлинный успех после начальных испытаний. Потому и пародировали с таким восторгом левитановское «Са-аветское» или вкрадчивое балашовское «И о погоде».

Впрочем, были ещё и актёры, чьи голоса узнавались миллионами слушателей и зрителей по радиоспектаклям и кинофильмам. Нормы произношения издавна складывались на сцене московского Малого театра. Но к актёрской теме мы ещё вернёмся.

Школьный курс русского языка не рассчитан на серьёзную постановку устной речи, а жаль. В жизни нам гораздо чаще приходится сталкиваться с неумением собеседников интонационно выразить мысль, чем с грамматическими и пунктуационными ошибками. Тем более что грамматические программы есть в каждом компьютере, а говорить нам (разумеется, за исключением роботов) пока ещё приходится без посредства технических новинок.

Второй (а по значению — первостепенной) системой, создававшей единое культурное и языковое пространство, была, начиная с тех же двадцатых годов, массовая школа. Сегодня школе приходится конкурировать не столько с радио, сколько с телевидением. Ещё двадцать лет назад московские телеприёмники ловили четыре программы, две из которых работали по 5–6 часов в сутки. А в ноль часов ноль минут вещание, как правило, прекращалось.

Школьников могли заинтересовать телепередачи максимум на 3–4 часа в сутки. Но и тогда (перелистайте подшивки «Народного образования» и «Учительской газеты»!) психологи предупреждали, что детям не стоит «много времени проводить у телевизора». И родители то и дело жаловались педагогам и врачам на своих шалопаев, просяживающих у телевизоров аж по три-четыре часа в сутки!

Сегодня телепрограмм у нас полтора десятка, из них две — молодёжные музыкальные с практически круглосуточным ассортиментом шумных, бойких передач.

А ещё — видео, компьютерные игры... В этом контексте школа выглядит второстепенным факультативом в насыщенной жизни подростка. Медлительная, величавая русская речь истончается и пропадает...

Плетью обуха не перешибёшь и против танковых гусениц современной цивилизации с шашками наголо не пойдёшь. Но и мириться с уродливым языком, который формируют гуру из MTV, школа не может, не вправе. Традиция, классика, сам воздух просвещения воспротивятся!

Консультанты по русскому языку в былые годы и на радио, и на телевидении по праву слыли людьми уважаемыми. Но чтобы стать «голосом времени», грамотной, чистенькой речи недостаточно. Ораторское искусство, актёрский дар, обаяние личности — без этих «чемоданов» серьёзного языкового багажа не соберёшь. Легендарный гражданский пафос Левитана, без которого нельзя представить героиню Великой Отечественной, не был бы столь выразительным, окажись диктор дилетантом в актёрском искусстве... Ведь в этой профессии очень легко переиграть, переборщить с эмоциями.

Наш язык заслуживает бережливого отношения. В 1755 году М.В. Ломоносов преподнёс годовалому великому князю и будущему императору Павлу Петровичу «Российскую грамматику». В этой книге первый русский академик с присущим ему темпераментом учил гордиться родным языком.

Со школьной парты многим из нас памятно слова: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

В ту пору российское просвещение испытывало к мировой культуре ученическую робость. Не нужно думать, что это исключительно отечественное явление. Подобные комплексы в разное время были характерны и для Японии, и для народов Восточной Европы и, к примеру, для Норвегии... Да и французская культура долгое время смотрела снизу вверх на итальянцев с их классической латынью, с их могущественным купечеством, с их архитекторами и художниками. Чтобы избавиться от самоощущения периферийности, необходимы Ломоносовы. Без этой прославленной фигуры нельзя представить себе и современной школьной идеологии.

Не менее известен и манифест Ивана Сергеевича Тургенева: *«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Не будь тебе — как не впасть в отчаяние при виде всего, что соверша-*

ется дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!». Когда-то каждый школьник знал эти слова наизусть.

Зубрёжка, конечно, необязательна. Из-за напряжённой зубрёжки слова порой не доходят до сердца и разума. Не оттого ли возникло устоявшееся (на мой взгляд, несправедливое!) мнение, что школа внушает лишь отвращение к литературе, отучает читать.

Под эту «музыку» сокращаются часы литературы в школьной программе: дескать, всё равно на этих уроках школьники только наполняются ненавистью к Некрасову и Толстому! При этом не учитывается, что наиболее эффективны в школе те дисциплины, преподавание которых ведётся с младшей школы и не реже, чем трижды в неделю. А к «однодневным» дисциплинам, какими бы злободневными терминами они ни блистали, у школьников отношение несерьёзное: за неделю можно и имя-отчество педагога позабыть, не то что материал.

Школьный курс литературы — явление уникальное. Ту информацию, которую школьники получают на уроках чтения и литературы, не возместит никакой другой курс. Можно каждый год объявлять «Годом русского языка», можно придумывать «месячники борьбы за качество» и проводить красочные мероприятия — но это всё для чиновничьих ведомств, для галочки и крючочка. А вот каждый отнятый у литературы и русского языка час — это утрата, которую еженедельно будут ощущать тысячи людей. Но мы снова и снова, удовлетворяя чиновничью блажь, вводим «модные» ультрасовременные предметы-карлики в ущерб литературе и математике.

Принято считать, что нынешнее положение русского языка в СМИ плачевно. Отчасти это ощущение можно объяснить известным синдромом «Что пройдёт — то будет мило»; известно, что раньше и трава была зеленее, и снег белее. Ностальгия? Просто брюзжание? Но и в нём подчас бывает резон.

То и дело возникают предложения — как выправить, усовершенствовать, возродить... Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям проводит среди работников СМИ конкурс «Как слово наше отзовется» — за образцовое владение русским языком в профессиональной деятельности. Ещё десять лет назад проводился и конкурс среди ведущих информационных программ «За чистоту русского языка». И в последние годы у внимательных зрителей центральных новостных программ возникает ощущение: речевых ошибок стало меньше.

Прослеживается парадоксальная закономерность: чем опаснее и услужливее становится информационная журналистика — тем чище русская речь. Под давлением единого идеологического стандарта редакторы работают аккуратнее. Но, с другой стороны, не хотелось бы возводить в абсолют мнение педантов от языка. Впору снова вспомнить Пушкина: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю». Индивидуальный, узнаваемый стиль всегда замешан то на диалектизмах, то на сленге, то на «мнимых неправильностях» — и это славно, если имеется и академический фундамент.

И всё-таки есть явления, которые заставляют нас вновь и вновь беспокоиться за будущее русского языка. Дело даже не в бесповоротной победе сленга. Не хватает интонации! Русских пословиц, фразеологизмов — чтобы к месту, да с чувством, с толком, с расстановкой. И здесь куда больше провалов не у журналистов, а у актёров, которые во все эпохи задают тон **современной** речи.

Попробуйте переключить телеканал с любой передачи, с любого «мыльного» сериала на старенький художественный фильм, на какой-нибудь длинный монолог в исполнении Николая Симонова, Веры Марецкой или Алексея Дикого. Вот это пропало, кажется, безвозвратно — тёплые оттенки русской речи, когда в самой эстетике вдоволь человеческого достоинства.

Хорошо сказал профессор-языковед Юрий Караулов: *«Какова культура, таков и язык. Как зрителя и слушателя, меня не устраивает та нарастающая волна агрессивности, которая выплескивается на нас из теле- и радиоэфира. Мы видим, как снижается уровень моральных требований в сфере культуры, как утрата ценностных ориентиров отражается на языке».*

При первых залпах «криминальной революции» и в радиоголосах слышались блатные модуляции — всё это соответствовало стилистике «золотых цепей поверх красных пиджаков». Добротных, демократичных просторечий в эфире куда меньше, чем напористой «фени».

Прошли времена, когда дикторов и актёров отличали хорошо поставленные голоса, богатые интонациями. Их реплики и монологи можно было с закрытыми глазами отличить, скажем, от интервью хлебороба, рабочего или спортсмена. Так и должно быть: профессия журналиста — писать и говорить, хлеб артиста — произносить текст, а их собеседники вовсе не обязаны быть виртуозами изящной словесности.

Нынче же слушаешь выступление актёра — а кажется, что это говорит спортсмен. Приглядишься — бицепсы внушительные, взгляд суровый. Ни дать ни взять — чемпион. И только титры упрямо повторяют: известный артист, любимец публики, «звезда» телесериалов...

На «мыльных операх» языковую грамотность не воспитаешь, слишком далеки они от императорских сцен. А вот мужиков «от сохи» да «от станка» в эфире совсем не стало. А жаль: говорили они с запинками и не языком Императорского Малого театра, но подчас с фольклорной образностью. Такой речи сегодня тоже не хватает, как тёплого ржаного хлеба. Телезритель недоумевает: неужто народ состоит из одних менеджеров с их деловым и псевдоделовым сленгом, который культивируют и журналисты?

В школе никогда не прекращается поиск наиболее корректного, уважительного стиля общения между учителями, детьми и подростками. И никто не вправе обижать высокомерием школьника, чья речь, видите ли, не соответствует классическим канонам. Нормам орфоэпии нужно учить с особой деликатностью, ни в коем случае не «давить учёностью». А вот убогий, бедный, невыразительный язык следует выправлять, приучая к красоте фольклорного и литературного русского.

Бороться с нищенской бедностью словарного запаса учитель словесности может и должен. Школьная программа, увы, практически обходит вниманием словари В.И. Даля. А ведь его сочинения — непревзойдённый материал для изучений живого великорусского языка и пословиц. Литературные сочинения принято писать канцелярским наукообразным языком — неплохо бы ввести правило об обязательном употреблении фразеологизмов и пословиц в изложениях и сочинениях.

Всё навязчивее звучат в голосах телевидения и радио англоподобные интонации. Для развлекательных и молодёжных

программ такая манера говорить стала, кажется, единственной, тотальной. И это, на мой взгляд, гораздо печальнее любой орфоэпической небрежности, потому как заразительно! Маловразумительные восклицания «Вау!» и «Йес!», «ОКЕЙ» и «упс-с» — знаки вновь утвердившегося образа жизни, подразумевающего презрительное отношение к традициям русской речи — не только академической, но и бытовой.

Мы заимствуем из американской практики и публичную раскрепощённость, и утрированную реакцию на любую реплику собеседника громкий (редко — искренний) смех, показное удивление, яростную жестикуляцию. Этого полным-полно на телевидении. Теряются тонкие полутона восприятия — беднеет язык. Как бороться с элементарными ошибками — не секрет. Корректоры, репетиторы, консультанты способны поправить дело. Журналисту куда сложнее идти против течения моды: ведь так соблазнительно выглядеть остроактуальным.

Не будем консерваторами: плавильный котёл русского языка переваривал и не такие заимствования из языков иностранных. Но нельзя перенимать *дух* языка — интонацию, оттенки темперамента. Так вырабатывается психология иждивенца, умеющего жить только заёмным умом, чужими идеями.

Уже в последние годы новым заметным явлением пишущих СМИ стал так называемый «падонковский язык», рождённый в дебрях всё более популярных интернет-блогов! Что уж говорить о школьном обиходе, где, собственно говоря, и заваривается «каша». Буквально на глазах у учителей, на оборотных сторонах тетрадных листов.

Здесь мы видим неожиданную аналогию со старинной народной традицией «лубка». В интернете это поветрие связано не только со стремлением к пародии. Самые юные «блоггеры», которые редко появляются в школьных классах, с наивной непосредственностью воспринимают эту речь как норму. Но в журналистику «падонковские» словечки хлынули, конечно, именно на волне пародии, игры, хулиганства: «аффтар жжот», «выпей йаду», «убей себя ап стену», «зачот», «превед»... Нарочитая игровая безграмотность, много мата, своего рода речевой эксгибиционизм, не признающий правил, не терпящий условностей.

Массовая культура становится всё инфантильнее, и язык напоминает детские праздники непослушания. Это модно и колоритно, а мода поработает, неизбежно приводит к штампу. Так и варится «каша»: рафинированное ёрничество одних перемешивается с демонстративным антиинтеллектуализмом других.

Об этом в научном контексте рассуждает И.Т. Вепрева, языковед из Уральского государственного университета имени Горького: «Модное слово благодаря своей демонстративности становится маркером для адекватной оценки субъектов общения и быстрой экспрессивной демонстрации своего Я. Наличие демонстративности обусловило то, что моду относят к поверхностным сторонам человеческого существования, поскольку в моде «быть» и «казаться» практи-

чески совпадают. Всему массиву рефлексивных высказываний, оценивающих лексическую единицу как модную, присуща дополнительная аура, передающая чувство-отношение к данному слову в диапазоне неодобрения, поскольку для русского человека существенные признаки явления всегда важнее внешней стороны. Кроме того, массовое подражание какому-либо образцу создаёт стандартность употребления слова, которая часто осознаётся как симптом нарушения языковой экологии...».

Модный жаргон рекламируется в ярких упаковках молодёжных телеканалов. Ведущие — виджеи — этих каналов говорят исключительно на сленге, оперируя англоподобными интонациями. Собственно говоря, они открыто ориентируются на американский оригинал, перенимают повадки заморских коллег, их речевые особенности. Кажется, ещё чуть-чуть — и кириллицу в титрах заменит латинский шрифт, а там и до английского устного недалеко.

Каждому поколению присущ собственный жаргон. В двадцатые годы — комиссарский, нэпманский, в сороковые — особый язык фронтовиков с германскими прибаутками, позже — сленг лабухов и стилиг. В 1934 году Максим Горький написал статью «О бойкости», удивительно актуальную в наши дни:

«Нет никаких причин заменять слово «есть» блатным словом «шамать» и вообще вводить в литературу блатной язык. Нет смысла писать «бубенчик звеникает», когда имеются более точные звукоподражательные определения: брякает, звякает, бренчит».

В концентрированном виде жаргоны вульгарны и бедны в сравнении с литературным языком. Но талантливые люди умели и умеют обогащать язык дерзкими и выразительными новинками. И журналисту, если он хочет, чтобы его услышала молодёжь, необходимо владеть новейшими образцами жаргонов, которые, надо заметить, суть хорошие слуги, но скверные хозяева.

Победное шествие современного молодёжного сленга связано с серьёзными социальными явлениями. В.М. Шаклеин заметил:

«Принципы образования лексики молодёжного сленга в 90-е годы не изменились. Однако изменилась сама лексика. Так, если в 50–70-е годы молодёжный сленг не имел прямого влияния на общепотребительный язык, то сегодня оно существенно. Это связано с тем, что, во-первых, значительная часть молодёжи — посетители ночных клубов и дискотек — являются менеджерами, профессиональными торговцами, т.е. людьми, обеспечивающими себе жизнь самостоятельно; некоторые задействованы в криминальных структурах. Во-вторых, молодёжный сленг стал чуть ли не единственным языком наиболее престижных развлекательных программ на телевидении и радио. В-третьих, владение молодёжным сленгом вошло в моду, поскольку владеют им, как правило, материально обеспеченные молодые люди».

Это хорошо известно учителям: подчас уже с восьмого класса дети нуворишей (а также школьники, рано начавшие подрабатывать) чувствуют себя «хозяевами жизни», теряют способность учиться и учитывать классические авторитеты. Сленг, с которым они связывают собственный успех и вызванную им эйфорию, кажется им «последним достижением техники» — и сломать такой стереотип не способны ни родители, ни учителя.

Увы, писк моды перекрывает голос разума. В иерархичном, консервативном обществе этот предрассудок был бы изжит, когда двадцатипятилетний молодой специалист закрепляется в той или иной профессиональной системе, где новомодные потуги выглядят неуместно и нереспектабельно. Но нынешняя свобода позволяет всю жизнь вариться в собственном соку, не оглядываясь на авторитеты и без ущерба для кармана. И система просвещения к такой агрессивной свободе не готова.

Каждому автору знакомо оцепенение: приступая к новой теме, боишься быть банальным, боишься ограничиться повторением ходульных истин и штампованных оборотов. А как уйти от прилизанного стиля школьных сочинений? На помощь приходит разговорная речь, сленг, позабытые просторечия и архаизмы, в которых нашёл «языковое расширение» Солженицын.

Эта тенденция проявилась в работе самых стилистически влиятельных журналистов девяностых. Среди пишущих журналистов наиболее колоритен здесь, пожалуй, Игорь Свиноаренко с его темпераментным панибратством и презрением к грамматике, а среди телевизионных «властителей дум» — Леонид Парфёнов. Когда-то парфёновские «американизмы» казались навязчивыми: это вечное «Борис Ельцин, Александр Пушкин...». Но на наших глазах журналист перемешал стили CNN, русскоязычной «Свободы», советских телевизионных рассказчиков вроде Ираклия Андроникова — и «сварил» собственный «суп». Ему ещё долго будут подражать молодые журналисты — и это объяснимо.

Думаю, хрестоматийные «вульгарные» ошибки вроде неправильного употребления глагола «одел — надел», коварной «Оптовой-оптОвой базы» или «села Бородина», которое склоняется по падежам немного иначе, чем Пал Палыч Бородин, — это полбеда. Беда, когда учителя и журналисты, забывая о десятке доброкачественных русских аналогов, произносят отвратительную кальку «Я в шоке», которая из обихода проникла и в «Останкино» и на Пятницу... Это покушение на самое главное, на **дух** языка, а не на его **букву**.

О расхожих паразитах «как бы» и «на самом деле» говорено уже немало. В последние годы рекорды бьёт выраженище «такая история», прилипшее к столичной богеме, а потому поселившееся и в СМИ. Наверное, и такие «маркеры поколения» бывают уместны. Но чаще всего получается оглупляющий штамп похуже канцелярщины; грустно, когда господа авторы сами этого не замечают. Адепты подобной речи слипаются в безликую массу: выделить индивидуальный стиль в потоке штампов трудно.

Критикуя неприятный новояз современной журналистики, которая влияет на молодёжь, мы то и дело неволью впадаем в тоску по всемогуществу редакторов, цензоров и всевозможных «проверяющих» инстанций. Да, было время стерилизованных текстов и монологов — грамотных, с минимумом огрехов! И не секрет, что читатель и зритель ждали тогда авторов с «лица необщим выраженьем», раскрепощённых, даже хулиганистых, ни на кого не похожих. А где раскрепощённость — там и ошибок больше.

Самые осторожные журналисты черпают не в молодёжном сленге и не в блатных жаргонах, а в языке бюрократических ритуалов. От этого предостерегал Корней Чуковский, который наиболее опасной хворью языка считал **канцелярит**. Арсенал пишущего человека должен быть разнообразен, а художественная задача состоит в выборе уместной стилистики. Ханжество языкового пуризма, на мой взгляд, не менее опасна, чем небрежность.

Душа языка не в правилах, личность проявляется в образной, живой речи, которая даже штампы перемалывает на свой лад. Вот и приходится искать золотую середину между тусклым речевым консерватизмом и крикливой разнузданностью. Хлопотно, зато не соскучишься.

Известный политик и правовед Анатолий Иванович Лукьянов славится как вдумчивый и страстный коллекционер, который много лет собирает голоса русских поэтов и писателей. Недавно вышел в свет диск с записями писательских голосов из коллекции Лукьянова. И вот с прадедушкиного фонографа зазвучала речь Бунина, Маяковского, Есенина, Пастернака! И мы убедились: благородной патиной времени покрылись не только средства звукозаписи. Сама манера говорить и декламировать стихи с тех пор изменилась неузнаваемо, и ни один современный актёр не может передать той атмосферы, той напевной, очень чёткой речи.

Этот диск непременно должен поселиться в школьных библиотеках! А уж при нынешней компьютеризации завести в школах файлы с аудио- и видеозаписями литературных архивов — дело нетрудное и незатратное. Правда, нужно **захотеть**. Найдутся ли среди молодых учителей-словесников энтузиасты, способные пользоваться сокровищами старинных архивов, получившими новую жизнь на дисках и в файлах? Без учительского интеллекта все достижения техники школьникам не помогут.

Я ни в коем случае не ратую за подражание архаичному языку, за кальку с речевой манеры Бунина или Москвина. В оранжереях и кунсткамерах живой язык не развивается! Герметический консерватизм мертвит речь. Каждое десятилетие должно оставлять в симфонии языка свою мелодию.

Воспринимать голоса классиков будет непросто: поначалу речи из далёкого прошлого покажутся пресноватыми, невыразительными, скучными. И только погружение в атмосферу того времени позволит оценить обаяние архаичного языка. И на основе этих знаний школьнику будет куда легче формировать собственную речевую манеру не по убогим установкам жаргона. Он сможет по крупницам впечатлений создавать собственный стиль, в котором выразится неповторимая личность.

В статье «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» К.С. Аксаков пишет:

«Энергически освобождённые Петром от оков исключительной национальности, пережившие период безотчётного подражания чуждому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим, — мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему отечеству, нами снова

приобретённому, и с большим правом, нежели прежде, называем его своим».

Это очень важный для нашей культуры сюжет. «Всемирная отзывчивость» уживается с приверженностью славным дедовским идеалам. Иногда кажется, что наша история идёт по кругу и «возвращение к нашему Отечеству», о котором пишет Аксаков, происходит по три-четыре раза в столетие, с каждым новым поколением. Как и отказ от Отечества — попытка сбросить с плеч все проблемы разом и начать с чистого листа.

Одни и те же проблемы возникают в народной судьбе последовательно — и ничего тупикового в этом нет. Логика судьбы замешана на народном характере и климате, на ландшафте и мифологии, наконец, на существовании **языка**. И Ломоносов возник в контексте нашего разговора совсем не случайно. Судьбы языка и народа пересеклись в служении этого русского героя XVIII века. Ломоносов во всём его своенравии никогда не станет трафаретным, если мы хотя бы приоткроем школьникам черты характера этого гения. Если познакомим с поэтическими отрывками первого академика, с его яростной борьбой за отечественную науку, за русский язык.

Изучая этот язык, мы должны всегда видеть перед собой глаза таких сокровенных подвижников — и тогда на уроках русского будет больше игры воображения, больше фантазии и страсти, меньше скучного начётничества. Наука должна быть весёлой. К школе иногда применим закон жанрового разнообразия: все уроки хороши, кроме скучного.

Язык разрушается и возрождается — это вечное движение.

Но в мире машин есть риск омертвления живой речи. Не дай Бог нам прийти к такой узкой функциональности, когда русская речь станет лишь уделом профессионалов-риторов. А ведь такая опасность есть. **НО**

